DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-173-180

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ МОЛОДЫХ МУЖЧИН С ВЫРАЖЕННЫМИ ЭКСТРЕМИСТСКИМИ УСТАНОВКАМИ*

С.М. Ситяева

С.В. Яремчук

О.А. Орлова

В статье представлены результаты исследования удовлетворенности различными сферами жизни молодых мужчин в возрасте от 14 до 30 лет с разной степенью выраженности экстремистских установок. Цель исследования состоит в изучении специфики персонального и национального субъективного благополучия молодых мужчин с выраженными экстремистскими установками.

Ключевые слова: экстремизм, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью, экстремизм молодежи, предикторы экстремизма, национализм, ксенофобия, фанатизм.

SUBJECTIVE WELL-BEING OF YOUNG MEN WITH EXTREMISTIC ATTITUDES

S.M. Sityaeva

S.V. Yaremchuk

O.A. Orlova

This paper focuses on the empirical study of the satisfaction with different life domains of young men aged 14 to 30 with varying degrees of extremist attitudes. The purpose of this study is to analyze the specifics of the personal and national subjective well-being of young men with high level of extremist attitudes.

Key words: extremism, subjective well-being, life satisfaction, youth extremism, predictors of extremism, nationalism; xenophobia; fanaticism.

Социальная ситуация в современной России характеризуется нестабильностью. В последние годы население столкнулось с социально-экономическими эффектами кризиса – потерей работы, снижением реальных доходов, вынужденным сокращением расходов, в том числе на продукты питания и

лекарства¹. Значительно ухудшились и международные отношения России на фоне Украинского и Сирийского кризисов и других событий. Сложившаяся ситуация в России создает основу для возрастания социальной напряженности, роста ксено-

* Публикация выполнена в ходе научно-исследовательской работы в рамках реализации госзадания Министерства образования и науки РФ № 25.8631.2017/8.9 по теме проекта «Субъективные и объективные предикторы экстремистских установок молодежи».

¹ Аврамова Е.М., Каравай А.В., Логинов Д.М. Риски бедности и ресурсы домохозяйств. Научный доклад Института социального анализа и прогнозирования / под ред. Е.М. Аврамовой, 2016. URL: <http://social.ranepa.ru/institut-sotsialnogo-analiza-i-prognozirovaniya-insap/36-novye-riski-i-gruppy-bednosti-i-factory-sotsialno-ekonomicheskogo-neravenstva>

Ситяева Снежана Михайловна – кандидат биологических наук, доцент кафедры психологии образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (г. Комсомольск-на-Амуре).

Sityaeva Snezhana Mikhailovna – Candidate of Sciences (Biology), Associate Professor of the Department of Education Psychology at Amur State University of Humanities and Pedagogy (Komsomolsk-on-Amur).

E-mail: snejana-reg27@yandex.ru

Яремчук Светлана Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (г. Комсомольск-на-Амуре).

Yaremchuk Svetlana Vladimirovna – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor of the Department of Education Psychology at Amur State University of Humanities and Pedagogy (Komsomolsk-on-Amur).

E-mail: svj@rambler.ru

Орлова Ольга Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (г. Комсомольск-на-Амуре).

Orlova Olga Alexandrovna – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor of the Department of Education Psychology at Amur State University of Humanities and Pedagogy (Komsomolsk-on-Amur).

E-mail: olga_shishmareva@mail.ru

© Ситяева С.М., Яремчук С. В., Орлова О.А., 2020

фобии, мигрантофобии, национализма и других проявлений экстремизма. Несмотря на снижение в последние годы (2018–2019) количества зарегистрированных в России преступлений экстремистской направленности² за счет применения системы мер по борьбе с экстремизмом и терроризмом, эта проблема остается крайне важной. Экстремистские установки, как и экстремистская активность, в большей мере свойственны мужчинам [4; 13; 15; 27]. Преимущественно к ответственности за данные преступления привлекаются лица мужского пола в возрасте от 14 до 30 лет [8]. Экстремизм не всегда сопровождается действиями, часто экстремистские взгляды, убеждения, стереотипы и установки более широко распространены в обществе [2; 7].

К.Р. Fritzsche считает, что социальный стресс, возникающий в условиях резких изменений в обществе (политических, экономических, культурных или экологических), делает граждан уязвимыми для ксенофобии, нетерпимости и авторитарных реакций. Если уровень стресса выше порога адаптационных способностей населения, это способствует росту нетерпимости в обществе [22].

Ряд исследователей считают субъективное благополучие системообразующим фактором формирования толерантных тенденций личности [1] и толерантного сознания личности в условиях миграционной среды [9].

N. Mocan и C. Raschke, анализируя детерминанты расистских и ксенофобских чувств по отношению к иностранцам и мигрантам у жителей Германии в 1996 и 2006 гг., выявили, что в большей степени они свойственны людям с более низким уровнем доходов и людям с более низким уровнем удовлетворенности своим материальным положением [26].

S. Gordon обнаружил, что более низкие уровни национального и персонального субъективного благополучия у жителей Южной Африки связаны с более выраженными проявлениями ксенофобии по отношению к мигрантам [23; 24].

M.J. Sirgy с соавторами полагает, что в основе терроризма джихадистов лежит субъективное неблагополучие, вызванное нищетой, безработицей, социальным неравенством, коррупцией, первопричиной которых, по мнению джихадистов, является влияние западных стран [31].

Р.М. Шамянов в эмпирическом исследовании обнаружил, что люди, менее удовлетворенные своей жизнью, характеризуются большей «зацикленностью» на национальных проблемах, в большей степени убеждены в превосходстве своего народа и необходимости «очищения» национальной культу-

ры, склонны к национальному фанатизму [12]. Таким образом, люди, менее удовлетворенные своей жизнью, характеризуются проявлениями этнической гиперидентичности. Вместе с тем, как показывают другие исследования, люди со сформированной национальной идентичностью позитивного характера отличаются более высоким уровнем субъективного благополучия. Это было выявлено как в отечественных [11; 16], так и в зарубежных исследованиях [20; 21; 25].

Существует точка зрения, согласно которой в основе более высокого уровня субъективного благополучия лежит толерантность человека как по отношению к себе (самопринятие), так и по отношению к другим людям. Так, Wei Xu и др. полагают, что такая личностная черта, как толерантность, способствует положительному отношению к себе без излишней самокритики, а также установлению положительных контактов с другими людьми, что приводит к гармоничной жизни и позитивным эмоциям, которые повышают субъективное благополучие человека [33].

Таким образом, ряд отечественных и зарубежных исследователей подчеркивают тесную взаимосвязь между нетерпимостью, ксенофобией, национализмом и субъективным благополучием человека. Обозначенная проблема нуждается в более детальном изучении. Исследование предикторов экстремистской деятельности и установок молодых людей может лечь в основу разработки мероприятий по профилактике проявлений экстремизма в молодежной среде.

Методология

Объектом настоящего исследования выступили мужчины в возрасте от 14 до 30 лет, поскольку именно они являются группой риска и по статистике составляют до 98,6 % правонарушителей, привлеченных к ответственности за экстремизм [8]. Целью нашего исследования является изучение специфики персонального и национального субъективного благополучия молодых мужчин с выраженными экстремистскими установками. Выборку исследования составили 279 испытуемых: 137 учащихся школ и средних специальных учебных заведений в возрасте 14–17 лет (средний возраст 15,97 лет) и 142 человека в возрасте 18–30 лет (средний возраст 21,6 лет), учащиеся школ, ссузов и вузов, работающие мужчины, а также проходящие срочную службу в армии и служащие по контракту.

Экстремистские установки исследовались с помощью **методики изучения экстремистско-деструктивных установок К.В. Злоказова** [5], которая направлена на выявление трех видов установок: фанатических, националистических и ксенофобических. В результате обработки и преобразования сырых оценок в стандартные в методике

² Статистика преступлений экстремистской направленности // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart

выделяются пять вариантов интенсивности выраженности экстремистских установок: низкая, пониженная, умеренная, повышенная и высокая.

Высокие значения по шкале «Фанатизм» указывают на увлеченность религией, представления о важной роли религиозных норм в жизни, использование религии для объяснения жизненных событий. Высокие значения по шкале «Национализм» отражают дискриминирующую установку по отношению к другим национальностям, призывы к радикальным мерам по отношению к другим национальностям. Высокие значения по шкале «Ксенофобия» показывают стремление человека избегать контакта с определенными социальными группами и людьми, имеющими иные убеждения.

В исследовании в каждом из возрастов (14–17 и 18–30 лет) нами были выделены контрастные группы по степени выраженности экстремистских установок: 1) с низким и пониженным уровнем выраженности установки; 2) с высоким и повышенным уровнем установки. Учитывалась интенсивность выраженности отдельно для фанатических, националистических и ксенофобических установок молодежи.

Если по всем указанным шкалам респондент демонстрировал низкий или пониженный уровень экстремистских установок, он был отнесен к первой из контрастных групп («низкий уровень экстремизма»). В случае, если хотя бы по одной из шкал был продемонстрирован повышенный или высокий уровень, испытуемый определялся во вторую контрастную группу («повышенный уровень экстремизма»).

Для изучения удовлетворенности различными аспектами жизни использовался Интернациональный индекс субъективного благополучия (International Wellbeing Index) [18] в переводе Е. Углановой³, включающий Индекс персонального благополучия и Индекс национального благополучия. Индекс персонального благополучия (PWI) включает оценку следующих пунктов: уровня жизни, здоровья, достижений, взаимоотношений с близкими, безопасности, отношений с соседями, уверенности в будущем и жизни в целом. Индекс национального благополучия (NWI) включает оценку следующих пунктов: экономической ситуации в России, состояния природы, обстановки в российском обществе, деятельности правительства, состояния бизнеса в России, национальной безопасности и жизни в России в целом.

Оценка по всем пунктам осуществляется по шкале от 0 до 10 баллов. В методике учитываются два интегрированных показателя: индекс персонального благополучия, рассчитываемый как среднее арифметическое оценок удовлетворенности

различными аспектами своей жизни; и индекс национального благополучия, рассчитываемый как среднее арифметическое оценок удовлетворенности аспектами жизни в России.

Для выявления значимых различий между возрастными группами использовался χ^2 -критерий Фишера, для установления значимых различий между контрастными группами использовался U-критерий Манна–Уитни. Обработка данных осуществлялась с использованием программы STATISTICA 10.

Результаты исследования

Сопоставление процентных долей испытуемых разных возрастов, имеющих разную степень выраженности экстремистских установок, представлено в табл. 1.

Таблица 1

Интенсивность выраженности экстремистских установок в разных возрастах, %

Вид фанатической установки	Интенсивность признака					
	Низкая и пониженная		Умеренная		Повышенная и высокая	
	14–17 лет	18–30 лет	14–17 лет	18–30 лет	14–17 лет	18–30 лет
Фанатизм	73,7**	56,3**	13,9	21,1	12,4*	22,5*
Национализм	53,3*	40,8*	32,8	33,8	13,9**	25,4**
Ксенофобия	42,3	34,5	41,6	42,3	16,1	23,2

Примечания

1. * Различия между возрастными группами по критерию Фишера значимы для $p \leq 0,05$.

2. ** Различия между возрастными группами по критерию Фишера значимы для $p \leq 0,01$.

Из таблицы видно, что для всех вариантов экстремистских установок (фанатизм, ксенофобия, национализм) для молодых мужчин характерны низкие, пониженные и умеренные показатели. Вместе с тем сопоставление различных возрастных групп обнаруживает неблагоприятную динамику. Уровень фанатических и националистических установок значимо увеличивается в более старших возрастах. Подавляющее большинство подростков 14–17 лет (73,7 %) демонстрируют низкий и пониженный уровень фанатизма, в возрасте 18–30 лет таких становится существенно меньше (56,3 %, $\phi = 3,07$, значимо для $p \leq 0,01$). В то же время значимо увеличивается доля мужчин, проявляющих высокий уровень фанатизма: с 12,4 % в подростковом возрасте до 22,5 % у мужчин 18–30 лет ($\phi = 2,25$, значимо для $p \leq 0,05$). Такая же динамика характерна и для националистических установок: если у большинства подростков (53,3 %) проявляется пониженный и низкий уровень национализма, то в более старшем возрасте таких остается меньше половины (40,8 %, $\phi = 2,09$, значимо для $p \leq 0,05$), при этом доля лиц мужского пола, имеющих высо-

³<http://www.acqol.com.au/uploads/pwi-a/pwi-a-russian.pdf>

кий и повышенный уровень националистических установок, увеличивается с 13,9 до 25,4 % ($\phi = 2,44$, значимо для $p \leq 0,01$). Доля респондентов с умеренным уровнем фанатизма и национализма в разных возрастных группах изменяется незначительно.

Динамика интенсивности ксенофобических установок оказывается статистически не значимой, однако обнаруживает те же самые тенденции: уменьшение количества испытуемых, имеющих низкий и пониженный уровень, и увеличения числа тех, кто проявляет высокий и повышенный уровень ксенофобии.

Таким образом, количество молодых мужчин с высоким и повышенным уровнем различных экстремистских установок с возрастом увеличивается, и для каждого четвертого мужчины в возрасте 18–30 лет характерна достаточно высокая выраженность фанатизма, национализма или ксенофобии. Поскольку эти установки могут проявляться как у одного и того же человека, так и у разных мужчин, представляет интерес общая доля испытуемых, у которых хотя бы одна из экстремистских установок имеет высокую или повышенную интенсивность.

Процентное соотношение испытуемых, у которых все экстремистские установки имеют низкую или пониженную интенсивность, а также тех, у которых хотя бы одна из диагностируемых установок имеет высокую или повышенную интенсивность, представлено в табл. 2. В таблице не представлены испытуемые, у которых наряду с низким и пониженным уровнем экстремистских установок одна или две имеют умеренную интенсивность; доля таких испытуемых с возрастом значимо не меняется.

Таблица 2

Процентное соотношение испытуемых, имеющих выраженные экстремистские установки в разных возрастных группах

Интенсивность установок	Группа испытуемых		Критерий Фишера	Уровень значимости
	14–17 лет	18–30 лет		
Все экстремистские установки имеют низкую или пониженную интенсивность	25,5	14,8	2,257	$\leq 0,05$
Одна или несколько установок имеют высокую или повышенную интенсивность	33,6	50,7	2,91	$\leq 0,01$

Так, табл. 2. подтверждает обнаруженную выше динамику уменьшения числа респондентов с низким и пониженным уровнем экстремистских установок, и увеличение доли тех, кто имеет хотя бы одну установку высокой и повышенной интенсивности. Данные исследования показывают, что в

возрасте 14–17 лет каждый третий подросток (33,6 %) имеет такую интенсивность какой-либо экстремистской установки, которая делает возможным его вовлечение в экстремистскую активность. В возрасте 18–30 лет таких мужчин становится больше половины (50,7 %). Таким образом, проявление экстремистских установок оказывается характерным для молодежи 18–30 лет и способствует вовлечению в разного рода экстремистские движения.

Для выявления особенностей проявления удовлетворенности разными аспектами жизни у респондентов с разной степенью выраженности экстремистских установок сопоставлялись контрастные группы с разной интенсивностью экстремистских установок. Сопоставлялись данные как по каждой из экстремистских установок (фанатизм, национализм и ксенофобия), так и в общем (группа 1 – все экстремистские установки имеют низкую или пониженную интенсивность, группа 2 – хотя бы одна из диагностируемых установок имеет высокую или повышенную интенсивность).

Данные сравнения подростков мужского пола 14–17 лет представлены в табл. 3.

Для испытуемых 14–17 лет характерно отсутствие значимых различий в удовлетворенности различными аспектами жизни у подростков с низкой и высокой выраженностью конкретных экстремистских установок. Однако сопоставление контрастных групп, выделенных с учетом интенсивности всех трех установок одновременно, показывает, что для подростков мужского пола, демонстрирующих высокие показатели хотя бы по одной из экстремистских установок (группа 2), характерна значимо меньшая удовлетворенность своими отношениями с близкими людьми, чем у тех, кто имеет низкие показатели экстремистских установок (группа 1), $U = 583,5$ значимо для $p = 0,031$. Подростки, не склонные к экстремистским проявлениям, удовлетворены своими отношениями с близкими в большей степени, чем всеми остальными сферами, предлагаемыми им для оценки. В то время как у респондентов с высокими показателями экстремистских установок на первое место выходит удовлетворенность своим уровнем жизни (среднее значение 7,5) и здоровьем (7,3).

Таким образом, дискриминирующие установки высокой интенсивности у мальчиков-подростков возникают на фоне снижения удовлетворенности жизнью и в наибольшей степени – на фоне неудовлетворенности своими отношениями с близкими людьми.

В возрасте 18–30 лет у мужчин наблюдается большее число значимых различий в степени удовлетворенности жизнью между людьми с разной интенсивностью экстремистских установок (табл. 4).

Таблица 3

Средние значения удовлетворенности различными аспектами жизни у испытуемых 14–17 лет с разной степенью выраженности экстремистских установок

Шкала интернационального индекса субъективного благополучия	Фанатизм		Национализм		Ксенофобия		Группа 1	Группа 2
	низ.	выс.	низ.	выс.	низ.	выс.		
Удовлетворенность различными аспектами своей жизни								
Удовлетворенность своей жизнью в целом	7,0	6,8	7,2	6,2	6,9	7,5	7,5	6,8
Удовлетворенность своим уровнем жизни	7,4	7,6	7,8	7,1	7,5	7,9	8,0	7,5
Удовлетворенность своим здоровьем	7,4	7,2	7,7	7,2	7,9	7,5	8,1	7,3
Удовлетворенность своими достижениями в жизни	6,7	6,6	6,9	6,8	6,9	6,4	7,1	6,5
Удовлетворенность своими взаимоотношениями с близкими людьми	7,7	6,9	7,9	7,1	7,9	7,0	8,4*	7,0*
Удовлетворенность уровнем личной безопасности	7,3	5,6	7,3	7,1	6,9	6,6	7,4	6,6
Удовлетворенность своими отношениями с соседями	6,8	6,7	7,0	6,6	6,8	6,6	7,0	6,5
Удовлетворенность степенью своей уверенности в будущем	6,9	6,8	7,1	6,2	7,0	7,2	7,3	6,8
Удовлетворенность различными аспектами жизни в России								
Удовлетворенность жизнью в России	5,7	4,6	6,2	4,5	5,9	4,5	6,2	4,7
Удовлетворенность экономической ситуацией в России	4,2	4,3	4,5	3,9	4,2	3,9	4,1	4,1
Удовлетворенность состоянием природной среды в России	5,4	4,1	5,2	5,4	5,0	5,1	5,2	5,0
Удовлетворенность обстановкой в российском обществе	4,9	5,0	5,1	5,1	4,4	5,0	4,7	5,0
Удовлетворенность деятельностью правительства	4,5	4,4	4,8	4,3	4,0	4,5	4,1	4,4
Удовлетворенность состоянием бизнеса в России	4,9	4,2	5,0	4,8	4,8	5,0	4,6	4,6
Удовлетворенность уровнем национальной безопасности	5,9	5,2	6,0	5,7	5,5	5,0	5,8	5,4
Интегральные индексы удовлетворенности								
Индекс персонального благополучия	7,1	6,8	7,4	6,8	7,2	7,1	7,6	6,9
Индекс национального благополучия	5,1	4,5	5,2	4,8	4,8	4,7	4,9	4,7

Примечание – * Различия между возрастными группами по критерию Манна–Уитни значимы для $p \leq 0,05$.

Таблица 4

Средние значения удовлетворенности различными аспектами жизни у испытуемых 18–30 лет с разной степенью выраженности экстремистских установок

Шкала интернационального индекса субъективного благополучия	Фанатизм		Национализм		Ксенофобия		Группа 1	Группа 2
	низ.	выс.	низ.	выс.	низ.	выс.		
Удовлетворенность различными аспектами своей жизни								
Удовлетворенность своей жизнью в целом	7,3*	6,5*	7,4**	6,1**	7,2	7,1	7,1	6,7
Удовлетворенность своим уровнем жизни	6,5	6,4	6,9*	5,8*	6,7	6,8	6,4	6,3
Удовлетворенность своим здоровьем	6,8	6,5	7,2	6,3	7,3	6,8	7,0	6,7
Удовлетворенность своими достижениями в жизни	6,2	6,2	6,6	5,9	6,7	6,7	6,1	6,2
Удовлетворенность своими взаимоотношениями с близкими людьми	7,8	7,3	8,3**	7,0**	7,8	7,6	8,1	7,3
Удовлетворенность уровнем личной безопасности	7,3	6,2	7,6**	6,1**	7,6	7,2	7,9*	6,6*
Удовлетворенность своими отношениями с соседями	6,0	6,2	6,6*	5,8*	6,4	5,9	6,4	6,0
Удовлетворенность степенью своей уверенности в будущем	6,2	6,8	7,1*	6,2*	6,5	6,9	6,2	6,7
Удовлетворенность различными аспектами жизни в России								
Удовлетворенность жизнью в России	4,8	5,4	5,7	4,5	5,5	5,6	4,6	5,3
Удовлетворенность экономической ситуацией в России	3,6*	4,6*	4,3	4,1	4,0	4,3	3,5	4,3
Удовлетворенность состоянием природной среды в России	4,7	4,9	5,6*	4,1*	4,9	4,8	4,7	4,7
Удовлетворенность обстановкой в российском обществе	4,2	4,8	5,0	4,1	4,7	5,0	4,4	4,7
Удовлетворенность деятельностью правительства	3,5**	5,0**	4,4	4,0	3,9	4,6	2,9*	4,6*
Удовлетворенность состоянием бизнеса в России	4,2	4,9	5,3	4,2	4,5	5,0	4,3	4,7
Удовлетворенность уровнем национальной безопасности	5,2	5,3	6,1*	4,7*	5,7	5,2	5,7	5,2
Интегральные индексы удовлетворенности								
Индекс персонального благополучия	6,8	6,5	7,2**	6,1**	7,0	6,9	6,9	6,5
Индекс национального благополучия	4,3	5,0	5,2	4,2	4,7	4,9	4,3	4,8

Примечания

- * Различия между возрастными группами по критерию Манна–Уитни значимы для $p \leq 0,05$.
- ** Различия между возрастными группами по критерию Манна–Уитни значимы для $p \leq 0,01$.

Сопоставление молодых мужчин с высоким и низким уровнем фанатизма показывает, что те, кто склонен к оценке жизненных событий через призму религиозных воззрений, имеют более низкую удовлетворенность своей жизнью в целом ($U = 972,5$, значимо для $p = 0,045$), при этом значимо больше удовлетворены экономической ситуацией в России ($U = 939,5$, значимо для $p = 0,033$) и деятельностью российского правительства ($U = 845,5$, значимо для $p = 0,009$). Таким образом, фанатические установки возникают на фоне неудовлетворенности своей жизнью и менее критичного восприятия авторитетных фигур (правительства), чем это свойственно людям с низкой и пониженной интенсивностью фанатизма.

Для молодых мужчин, имеющих дискриминирующие установки по отношению к другим национальностям, склонных к призывам и радикальным мерам в вопросах, связанных с национальными проблемами, характерна меньшая удовлетворенность различными аспектами собственной жизни: уровнем жизни ($U = 750,5$, значимо для $p = 0,021$), взаимоотношениями с близкими людьми ($U = 666,0$, значимо для $p = 0,003$), уровнем личной безопасности ($U = 662,5$, значимо для $p = 0,004$), своими отношениями с соседями ($U = 775,0$, значимо для $p = 0,035$), степенью своей уверенности в будущем ($U = 771,0$, значимо для $p = 0,032$), а также своей жизнью в целом ($U = 668,5$, значимо для $p = 0,003$). Эта общая неудовлетворенность накапливается и отражается в более низком значении индекса персонального благополучия, чем у молодежи, не склонной к национализму. Кроме этого, у молодых мужчин с высокой и повышенной интенсивностью националистических установок отмечено значимо более низкая удовлетворенность состоянием природной среды в России ($U = 728,5$, значимо для $p = 0,013$) и уровнем национальной безопасности ($U = 759,5$, значимо для $p = 0,034$). Таким образом, националистические установки возникают у молодежи, неудовлетворенной различными аспектами собственной жизни, а также значимыми для них показателями жизни в стране.

Разделение испытуемых 18–30 лет на контрастные группы по степени выраженности ксенофобических установок не позволило обнаружить значимых различий в удовлетворенности различными аспектами своей жизни и жизни в России.

Одновременный учет проявлений разных видов экстремистских установок показал, что молодые мужчины 18–30 лет, имеющие низкий уровень всех экстремистских установок, характеризуются более высокой удовлетворенностью уровнем личной безопасности ($U = 532,0$, значимо для $p = 0,037$) и более низкой – деятельностью правительства ($U = 473,5$, значимо для $p = 0,022$). Это указывает на то, что возникновение экстремистских установок у муж-

чин в возрасте 18–30 лет происходит на фоне снижения удовлетворенности их потребности в безопасности и возрастания не критичности при оценке действий правительственных органов.

Обсуждение

Таким образом, проведенное исследование показало, что в возрасте 14–17 лет каждый третий мальчик-подросток имеет такую интенсивность какой-либо экстремистской установки, которая делает возможным его вовлечение в экстремистскую активность. В возрасте 18–30 лет таких мужчин становится чуть больше половины. Следовательно, проявление экстремистских установок оказывается в большей степени характерным для молодых мужчин 18–30 лет, что способствует их вовлечению в разного рода экстремистские движения, прежде всего националистического характера.

Отличия в уровне субъективного благополучия между испытуемыми, имеющими экстремистские установки и не имеющими данных установок, в большей степени характерны для молодых мужчин в возрасте от 18 до 30 лет, чем для мальчиков-подростков 14–17 лет. Дискриминирующие установки высокой интенсивности у мальчиков-подростков возникают в наибольшей степени на фоне неудовлетворенности своими отношениями с близкими людьми. Удовлетворенность другими сферами жизни в этом возрасте достоверно не отличается в группах с разной степенью выраженности экстремистских установок. Данный факт можно объяснить тем, что в этот возрастной период молодые люди не сталкиваются напрямую с проявлениями экономического кризиса, проживая в родительской семье; не испытывают необходимости самостоятельно обеспечивать себя и встречаются с проблемами, возникающими в обществе, опосредованно – через взаимоотношения с близкими, прежде всего с родителями. Так, T. Siedler обнаружил, что молодые люди, которые воспитывались в семье безработных родителей или в неполной семье, чаще в более взрослом возрасте поддерживали экстремистские правые партии в Германии, причем этот эффект проявлялся чаще у сыновей, чем у дочерей [30].

Полученный в исследовании факт более высокого уровня удовлетворенности молодых людей 18–30 лет с выраженными фанатическими установками экономической ситуацией в России и деятельностью российского правительства при низкой удовлетворенности своей жизнью в целом частично согласуется с исследованиями зарубежных ученых. Они обнаружили, что у людей, для которых религиозные нормы играют важную роль в жизни, характерны более высокие уровни удовлетворенности жизнью [17; 32]. Более значимым этот эффект является в странах, где существуют выраженные

социальные трудности, и слабо выражен в обеспеченных странах [19]. По мнению Vishkin A. с соавт., в основе более высокой удовлетворенности людей, имеющих религиозные убеждения, лежит механизм когнитивной переоценки, позволяющий регулировать свои эмоции на основе поиска позитивных моментов в трудной ситуации [32].

В большей степени удовлетворенность разными сторонами у молодых мужчин 18–30 лет различалась в зависимости от выраженности националистической установки. Наиболее значимыми предикторами для проявления национализма в этой возрастной группе оказались такие показатели персонального благополучия, как неудовлетворенность взаимоотношениями с близкими людьми, уровнем личной безопасности и собственной жизнью в целом. Помимо вышеперечисленных показателей молодые люди с повышенным уровнем национализма также были менее удовлетворены своим уровнем жизни, отношениями с соседями, проявили меньшую уверенность в своем будущем, а также меньшую удовлетворенность уровнем национальной безопасности и состоянием природной среды в России.

Вероятно, переживание национальной небезопасности в совокупности с неудовлетворенностью собственным уровнем жизни, усугубляемое неудовлетворенностью взаимоотношениями с близкими людьми, порождает у данной возрастной категории мужчин нетерпимость к представителям других национальностей, поиск объекта для вымещения агрессии. Так, исследования Л.К. Григорян и З.Х. Лепшкова показали, что люди с низким уровнем экономического субъективного благополучия более негативно относятся к мигрантам, чем люди с представлениями, что собственное благосостояние зависит в основном от собственных усилий [3].

Мы обнаружили, что как в группе подростков, так и в группе молодых людей взаимоотношения с близкими людьми в связи с проявлениями экстремистских установок играют важную роль. По результатам других исследований, это один из стабильных показателей субъективного благополучия, мало зависящий от изменений в обществе, и его вклад в общий показатель удовлетворенности своей жизнью является самым весомым [6; 10].

Вероятно, неудовлетворенность отношениями с близкими приводит к ослаблению внутрисемейных связей, что может приводить к уходу из семьи и поиску взаимодействия с другими людьми, «близкими по духу». Потребность в принятии и признании побуждает их искать реализации в других общностях, за счет идентификации с более крупной группой, которая может выражать радикальные взгляды по отношению к той или иной отличающейся группе (религиозной, национальной или социальной). А общая неудовлетворенность и соци-

альные проблемы в целом являются фундаментом для развития экстремизма в обществе, нарастания социальной обиды и озлобленности, что выливается в поиск «врага», часто в лице людей других национальностей.

Несомненно, сложившаяся в России ситуация создает основу для возрастания социальной напряженности и экстремизма. При этом зависимость экстремизма от экономических и политических причин не является прямой и однозначной [28; 29], существенное влияние оказывают субъективные переживания и представления самого человека. Большинство экстремистов характеризуются биполярным взглядом на мир и общество, противопоставлением себя и других («мы-они»), отрицанием другой точки зрения и набором бескомпромиссных установок [34].

Таким образом, профилактика экстремизма должна сосредоточить свое внимание не только на оптимизации социальной среды, но и на сфере сознания и психики молодых людей. Повышение уровня субъективного благополучия молодежи, несомненно, вносит весомый вклад в этот процесс, поскольку он направлен на перестройку своей жизни, на пересмотр объектов окружающего социального мира из источника трудностей в источник ресурсов, на формирование толерантности к себе и другим людям [14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахарева, Н.К. Субъективное благополучие как системообразующий фактор толерантности : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Н.К. Бахарева. – Хабаровск, 2004. – 22 с.
2. Вехов, И.В. Экстремизм как объект социологического исследования / И.В. Вехов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – № 111. – С. 284–290.
3. Григорян, Л.К. Эмпирическая модель взаимосвязи гражданской идентичности и установок по отношению к иммигрантам с экономическими представлениями россиян / Л.К. Григорян, З.Х. Лепшкова // Социальная психология и общество. – 2012. – № 2. – С. 5–20.
4. Дейнека, О.С. Ценностный фактор отношения к экстремизму у студентов / О.С. Дейнека, В.С. Даукша, С.В. Морозова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 12. – С. 1717–1723.
5. Злоказов, К.В. Метод исследования экстремистско-деструктивных установок личности / К.В. Злоказов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 1. – С. 173–180.
6. Латова, Н.В. Динамика и факторы удовлетворенности жизнью россиян (1997–2017) / Н.В. Латова // Социологические исследования. – 2017. – № 12. – С. 65–78.
7. Одинцова, М.А. Исследование латентного экстремизма в образовательной среде колледжей / М.А. Одинцова, М.В. Тищенко // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2014. – № 4(122). – С. 141–149.
8. Петрянин, А.В. Личность экстремиста: криминологический аспект / А.В. Петрянин // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 20. – С. 104–109.

9. Тагирова, Р.А. Субъективное благополучие личности как детерминанта толерантной установки в условиях миграционной среды / Р.А. Тагирова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2017. – № 12.
10. Тихонова, Н.Е. Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы / Н.Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2015. – № 3. – С. 19–33.
11. Чеботарёва, Е.Ю. Роль субъективного благополучия в межкультурной адаптации / Е.Ю. Чеботарёва // Вестник РУДН. – 2014. – № 2. – С. 13–17. – (Серия: Психология и педагогика).
12. Шамяинов, Р.М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы / Р.М. Шамяинов. – Саратов : Научная книга, 2008. – 296 с.
13. Яремчук, С.В. Пол, возраст и вид занятости как объективные предикторы экстремистских установок молодежи / С.В. Яремчук, С.М. Ситяева // Психологические исследования. – 2018. – Т. 11, № 58. – С. 11. – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1557-yaremtchuk58.html> (дата обращения: 29.09.2020).
14. Яремчук, С.В. Факторы субъективного благополучия личности: Объективные и субъективные переменные / С.В. Яремчук. – Saarbrücken, 2012. – 95 с.
15. Ceobanu, A.M. East Is West? National feelings and anti-immigrant sentiment in Europe / A.M. Ceobanu, E. Xavier // Social Science Research. – 2008. – Vol. 37(4). – P. 1147–1170.
16. Chebotareva, E. Life Satisfaction and Intercultural Tolerance Interrelations in Different Cultures / E. Chebotareva // European Journal of Social Sciences Education and Research. – 2015. – Vol. 2(4). – P. 167–178.
17. Cohen, A.B. The Relation between Religion and Well-Being / A.B. Cohen, K.A. Johnson // Applied Research in Quality of Life. – 2017. – Vol. 12(3). – P. 533–547.
18. Developing a national index of subjective wellbeing: The Australian Unity Wellbeing Index / R.A. Cummins, R. Eckersley, J. Pallant [etc.] // Social Indicators Research. – 2003. – Vol. 64. – P. 159–190.
19. Diener, E. The religion paradox: If religion makes people happy, why are so many dropping out? / E. Diener, L. Tay, D.G. Myers // Journal of Personality and Social Psychology. – 2011. – Vol. 101. – P. 1278–1290.
20. Dimitrova, R. The influence of nationalism and national identity on well-being of Bulgarian and Romanian youth / R. Dimitrova, V. Ljubic, C. Buzea // Studia Universitatis Babeş-Bolyai Sociologia. – 2013 – Vol. 58(1). – P. 69–86.
21. Identidad nacional y sus relaciones con la ideología y el bienestar en cinco países de América Latina / A. Espinosa, A. Soares-da Silva, C. Contreras [ets.] // Avances en Psicología Latinoamericana. – 2017. – Vol. 35(2). – P. 351–374.
22. Fritzsche K.P. Citizens under stress an explanation for xenophobia / K.P. Fritzsche // International Psychology Reporter. – 1998. – Vol. 2 (1). – URL: <http://www.human-rights-education.org/images/citstress.pdf> (accessed: 29.09.2020).
23. Gordon, S. The relationship between national well-being and xenophobia in a divided society: The case of South Africa / S. Gordon // African Review of Economics and Finance. – 2015. – Vol. 7(1). – P. 80–103.
24. Gordon, S. Understanding Evaluations of Foreigners in Modern South Africa: The Relationship Between Subjective Wellbeing and Xenophobia / S. Gordon // Journal of Happiness Studies. – 2018. – Vol. 19(2). – P. 545–566.
25. Grozdanovska, E. The relationship between national identity, subjective well-being and meaning in life / E. Grozdanovska // Suvremena psihologija. – 2016. – Vol. 19(1). – P. 91–99.
26. Mocan, N. Economic well-being and anti-Semitic, xenophobic, and racist attitudes in Germany / N. Mocan, C. Raschke // European Journal of Law and Economics. – 2016. – Vol. 41(1). – P. 1–63.
27. Quillian, L. Prejudice as a response to perceived group threat: population composition and anti-immigrant and racial prejudice in Europe / L. Quillian // American Sociological Review. – 1995. – Vol. 60(4). – P. 586–611.
28. Rink, A. The Determinants of Religious Radicalization: Evidence from Kenya / A. Rink, K. Sharma // Journal of Conflict Resolution. – 2016.
29. Shulman, S. The role of economic performance in Ukrainian nationalism / S. Shulman // Europe – Asia Studies. – 2003. – Vol. 55 (2). – P. 217–239.
30. Siedler, T. Parental unemployment and young people's extreme right-wing party affinity: Evidence from panel data / T. Siedler // Journal of the Royal Statistical Society. Series A: Statistics in Society. – 2011. – Vol. 174(3). – P. 737–758.
31. Sirgy, M.J. The Global Challenge of Jihadist Terrorism: A Quality-of-Life Model / M.J. Sirgy, M. Joshanloo, R.J. Estes // Social Indicators Research. – 2018. – P. 1–25.
32. Vishkin, A. Always Look on the Bright Side of Life: Religiosity, Emotion Regulation and Well-Being in a Jewish and Christian Sample / A. Vishkin, P.B. Bloom, M. Tamir // Journal of Happiness Studies. – 2018. – P. 1–21.
33. The moderating and mediating roles of self-acceptance and tolerance to others in the relationship between mindfulness and subjective well-being / W. Xu, T.P. Oei, X. Liu [etc.] // Journal of Health Psychology. – 2016. – Vol. 21 (7). – P. 1446–1456.
34. Zinchenko, Y.P. Extremism from the perspective of a system approach / Y.P. Zinchenko // Psychology in Russia: State of the Art. – 2014. – Vol. 7(1). – P. 23–33.